

От ужаса очевидцев парализует, по их затылкам ползут ледяные мурашки. Неужели страшное действительно сбылось?

— О Боже — это было бы ужасно! — восклицает хриплым голосом доктор и быстро наклоняется к несчастной женщине, которая теперь лежит перед ним, застыв от ужаса, с широко раскрытыми глазами.

Наступает короткое, гнетущее молчание; затем он потрясенно бормочет, снова вставая:

— Это правда, она ослепла! Господи, помилуй бедняжку!

Лицо графа становится призрачно-белым. Совсем недавно он был опьянен любовью девушки, а теперь — такой тяжелый Божий приговор!

В ужасе и смятении он стоит у ее кровати, и внутренний голос взывает к нему: — Взгляни сюда, вот что ты сделал, вот что твое безрассудство, твоя ошибка, твоя вина сделали из твоей возлюбленной! Бедная женщина теперь слепа — и, возможно, на всю жизнь!—

С приглушенным стоном он отворачивается и прячет в ладонях смертельно побледневшее лицо. В душе он не бессердечен, не порочен; только соблазнительные чары этой демонической женщины опутали его и заставили забыть о своем долге.

— Отец небесный, — простонал он, — не дай ей умереть, сохрани ей жизнь, чтобы я мог искупить то, что натворил. Теперь все станет иначе; я освобожусь от чар этой злосчастной страсти и возвращусь к ней!

Час спустя он встречается Уолли в парке. Его глаза мрачно смотрят на соблазнительную женщину, которая обнимает его со страстным, сдавленным возгласом.

— Оставь меня, — задыхается он, вырываясь, — так больше не может продолжаться. Мы оба ужасно поступили по отношению к Герде, так давай же сейчас искупим свою вину!— .

Уолли отступает назад и смотрит на него, ошеломленная, с широко раскрытыми глазами. Затем, однако, из ее уст вырывается резкий смех.

— О, ты хочешь порвать со мной — хочешь посвятить всю свою жизнь прикованный к немощной, слепой женщине? Ты, жизнерадостный, полный жизни мужчина? Неужели ты сам не понимаешь, что погибнешь? Бедный, бедный Ганс! Значит, для тебя я теперь пустое место? Что ж, прощай!

Девушка делает несколько шагов вперед — и тут его охватывает безграничное отчаяние. Он не может отпустить ее, наполнившую его сердце таким жаром и раскалившую добела его сердце — не в силах!

— Уолли, — кричит он, — останься, не уходи от меня, я не могу жить без тебя!

И вот уже она, опьяненная победой, прижимается к его груди, и под ее обжигающими поцелуями он забывает обо всем: о слепой жене — о своих клятвах.

В течение нескольких недель Герда находилась в страшной опасности. Если бы Бог забрал к себе, ей было бы гораздо легче. Но как будто невидимая рука удерживала ее жизнь — дитя! Она упорно боролась с мрачными тучами смерти, но наконец настал день, когда врач с

трепетом сказал:

— Слава Богу, она поправляется!

Она лежала в постели, как увядший маленький цветок. Постепенно тени, окутывавшие ее дух, рассеялись. Плач ее ребенка пробудил ее к новой жизни.

И вот теперь она в полной мере осознала свои несчастья! Она была слепа, ничего не видела вокруг и вокруг царила лишь вечная ночь!

— Неужели это должно было случиться со мной, Отец Небесный? — воскликнула она с душераздирающим криком. — Разве я уже недостаточно настрадалась? О, какие муки! Дайте мне мое дитя, мое дитя! . . .—

И когда ей передали малыша, она снова испустила громкий крик:

— Я больше не могу видеть его маленькое личико! Боже милосердный, как я могу это вынести? Лучше умереть, чем влачить такое жалкое существование!

Горе несчастной было поистине душераздирающим.

Даже доктор не мог скрыть глубокой скорби и вынужден был отворачиваться; сиделки тоже обливались слезами глубокой скорби.

В последующие дни граф редко заходил в комнату больной, он сторонился вида своей несчастной жены, в чьих страданиях он был повинен.

Мало-помалу больная женщина постепенно успокаивалась. Она научилась мириться со своим несчастьем. Только когда муж приходил к ее постели, она делалась беспокойной. Она редко заговаривала с ним, а он не смел даже прикоснуться к ее руке.

В конце концов сила молодости победила болезнь и душевную боль. Она выздоровела. Это было поразительное зрелище — видеть бледную, молчаливую женщину, над головой которой так тяжело возвышался венец мученицы, у которой оставалось лишь единственное — ее ребенок!

Она не спрашивала, что происходит в доме. Она также ничего не спрашивала о негодяйке, похитившей сердце ее мужа.

Медленно передвигаясь по комнате, она пробиралась к колыбели своего малыша, когда впервые смогла встать с постели.

Лишь ему она расскажет о том, что терзает ее сердце, маленькому существу, не понимающему ее слов, она выплачет все свои горести.

Когда она склоняется над колыбелью, страдальческая морщинка вокруг ее губ становится все глубже. Нежное, бледное личико, окаймленное темными локонами, похоже на лицо мученицы.

Внезапно она вздрагивает. Неужели это голос, который доносится до нее из коридора, — голос той бессовестной девицы, которая причинила ей столько душевных мук?

Сильная дрожь пробегает по ее стройной фигуре. Но когда через минуту она слышит шаги мужа, приближающегося к двери ее комнаты, она решительно расправляет плечи.

Мутными глазами она уставилась на вошедшего и сделала несколько неуверенных шагов к

нему.

— Я только что слышала голос Уолли, Ганс, — взволнованно восклицает она. — Значит, невзирая на мои беды, она все еще смеет находится рядом? А ты — ты все равно продолжаешь ее принимать в нашем доме? Неужели ты нисколько не думаешь о том, какое бесчестие ты творишь со мной?!

О, Ханс, Ханс, разве твоя вина не достаточно велика? Вскоре после того, как я родила тебе сына в невыразимых муках, ты изменяешь мне в объятиях этой соблазнительницы! И как ты ответишь за это перед Богом, Ганс?

Когда он не отвечает, она продолжает задыхающимся от волнения голосом:

— Неужели ты уже позабыл клятву, которую дал моему умирающему отцу: протянуть мне руку помощи, когда его не станет, и охранять меня как самое бесценное сокровище? Вот как ты сдержал свою клятву!

Ее обличительные слова все-таки задевают его; он стоит перед ней с дерзко опущенной головой и нахмуренными бровями. В его голосе звучит легкое недовольство, когда он говорит:

— Возможно, ты имеешь право обвинять меня, но злой рок оказался сильнее меня! В те дни, когда твой отец предчувствовал свой конец просил меня стать опорой и защитой для тебя, я с радостью согласился на наш союз, который состоялся, когда он еще находился на смертном одре.

Тогда я верил, что люблю тебя и искренне желаю сделать тебя счастливой! Целый год мы жили в полном счастье, окрыленные надеждой на появление наследника.

А потом в наш дом пришла твоя кузина! Ее красота помутила мой разум...

Он резко остановился. При мысли о соблазнительной женщине на его лице промелькнула безумная страсть.

С мучительным рыданием несчастная, обманутая молодая жена вдруг опустилась к его ногам.

— О Ганс, ты прав, она лишила тебя разума, — причитала она. — Лишь заблуждение овладело тобой и навлекло на нас столько несчастий! Освободись от демонической силы этой женщины! Ганс! Еще есть возможность обрести спасение, ты можешь исправить то, что потерял! Неужели моя слепота для тебя ничего не значит, как и жизнь твоего невинного дитяти? Смилуйся, любовь моя! Велит этой женщине оставить наш дом! Когда она покинет тебя, ты найдешь обратную дорогу ко мне и к твоему ребенку— .

Такие сердечные стенания бедной слепой женщины должны были тронуть сердце мужчины, не правда ли? Тяжело вздохнув, отведя глаза в сторону, он замер — но не чувство жалости говорило в его мрачных чертах.

Она же была слепа, и не видела, как в его глазах вспыхнула почти ненависть.

Наклонившись к ней, он осторожно поднял ее с колен.

— Успокойся, Герда, — простонал он, — я... я скажу Уолли, чтобы она покинула нас! Между нами все изменится — только ты должна набраться терпения...

— Ганс! — счастливо воскликнула слепая женщина, — тогда все, все опять наладится! Молча и безропотно я вынесу свой крест, который возложил на меня Бог, если только ты останешься со мной, если только ты вернешься ко мне! О, тогда я снова обрету счастье и радость; тогда я больше не буду так болезненно ощущать окружающую меня ночь, потому что в моей душе снова засияет яркое солнце!

Улыбаясь со слезами, молодая женщина прижалась к его груди, и он пылко поцеловал ее, второй раз предав ее в глубине души!

После чего он удалился.

С тоской глядела в пустоту Генрда и надеялась, что у ее любимого Ганса хватит сил отказаться от греховного соблазна.

Граф сразу же отправился к своей любовнице.

Он обнаружил ее в ее комнате на первом этаже, не заметив, что окно было распахнуто настежь. Он рассказал Уолли о недовольстве женой.

На ее губах появилась насмешливая улыбка: она все прекрасно подслушала...

— Ну, — кокетливо улыбнулась она с обольстительным блеском в глазах, — раз уж твоя жена так хочет, я, пожалуй, должна уйти... Он со страстью притянул ее к себе и осыпал ее красивое лицо жгучими поцелуями.

— Оставить тебя, Уолли? Никогда! — задыхаясь, пробормотал он, — никакая сила в мире не сможет разлучить нас! Я только хотел ее успокоить, поэтому и обещал то, что она просила!

— Ха-ха-ха, — засмеялось бесчувственное существо и прижалось к графу, — В конце концов, она слепая, так что не заметит, если я задержусь здесь! Но вот — она должна оставить замок вместе со своим ребенком!

— Нет, мой сын останется здесь! — решительно воскликнул граф. — Не забывай он наследник его деда, и все здесь принадлежит ему!

— Хорошо, мальчишка пусть остается, — кивнула она.

И прижавшись к нему, как змея, поведала ему о преступном плане, который она втайне уже придумала.

Глаза графа заморожено уставился на алые губы обольстительницы; его сердце не знало жалости, поскольку греховная страсть заглушала его совесть.

Поэтому он охотно подчинился ее плану и, увлеченный разговором, не обращал внимания на черную тень, бесшумно стоявшую за открытым окном.

В последующие несколько дней граф вновь стал больше заботиться о своей слепой жене, и Герда поверила в скорое счастье. Он даже пригласил из столицы офтальмолога, чтобы тот осмотрел слепую женщину, чтобы узнать, есть ли надежда на выздоровление.

Герда ждала приезда профессора с большим нетерпением. Она с надеждой думала:

— Может быть, Бог сжалятся над моими страданиями и вернет мне зрение?—

В замке наконец объявился странный доктор и осмотрел погасшие глаза несчастной.

— Помочь ещё возможно, — объявил он. — Однако графине придется пройти продолжительное лечение, возможно, даже очень долгое. В любом случае я надеюсь, что мне удастся вернуть ей зрение!

Сердце Герды быстро забилося. Она почувствовала головокружение. Снова видеть — взглянуть на своего милое, родное дитя — какое райское блаженство открылось перед ней!

— Конечно, — услышала она поспешный ответ мужа, — это возможно! Когда я могу привезти к вам мою жену?

— Как можно скорее, граф! Чем скорее мы начнем лечение, тем лучше!

— Вот видишь, Герда, может быть, нам все-таки удастся тебе помочь, — обратился граф к слепой женщине. — Пока ты будешь в больнице, я присмотрю за малышом, как за зеницей ока!

Он не успел договорить, потому что молодая женщина испуганно вскрикнула:

— Нет, нет, — задыхаясь, забормотала она, — я не расстанусь с ребенком — никогда!

Она не могла понять, что оба мужчины переглянулись в знак согласия.

— Это вполне разумно, — решительно заявил граф, — главное, что к тебе вернется зрение! Малыш только помешает твоему лечению, а кроме того, он в надёжных моих руках!

Дрожа всем телом, слепая женщина распрямилась.

— Нет, нет, — взволнованно повторила она, — не надо. Я не хочу уезжать отсюда без ребенка. Я не могу расстаться со своим малышом даже на секунду, — они опять обменялись взглядами.

— Что ж, раз так, можете взять и Гарольда! — граф кивнул, но его голос зазвучал так странно и хрипло, что Герда насторожилась. — Завтра же я привезу жену и малыша к вам в Олхансен, — теперь он обратился к доктору. — Об остальных условиях мы поговорим позднее!

Герда почувствовала, как сердце все сильнее сжимается, словно она предчувствовала грядущую катастрофу. Ей казалось, что, покинув замок, она никогда сюда не вернется.

И этот страх не покидал ее в течение всего дня. Она бранила себя за подобные мысли, вместо того чтобы радоваться, что теперь действительно вернется её зрение.

Окружающая суматоха немного отвлекла ее, и служанка, которая должна была находиться с ней и ребенком в клинике, подготовила все необходимое к их отъезду.